

Савич Александр Антонович

Соловецкая вотчина XV-XVII в

**Опыт изучения хозяйства и
социальных отношений на крайнем
русском севере в древней Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Антонович С.**
Соловецкая вотчина XV-XVII в: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси / Савич Александр Антонович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 288 с.

ISBN 978-5-519-84380-5

Религия -- Христианство -- Православие -- Русская православная церковь -- Организация церкви -- Монашество. Монашеские объединения -- Монастыри -- Соловецкий монастырь

ISBN 978-5-519-84380-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Содержание.

Вместо предисловия. (1—23 стр.). Обзор важнейшей литературы о соловецком монастыре (1—6 стр.). Источники рукописные (6—22); источники печатные (22—23).

Глава первая. *Соловецкая вотчина в первый век своего существования* (23—54 стр.). Русская колонизация Беломорского края (23—27). Вопрос о монастырской колонизации XIV—XV в. (27—29). Основание сол. м-ря (29—33). Первые шаги сол. м-ря в процессе освоения Беломорья (33—35). Хозяйство сол. м-ря в первые годы его существования (36). Дальнейшее расширение владений сол. м-ря до падения Новгородской самостоятельности (36—37). Падение В. Новгорода и судьба владений сол. м-ря в это время (37—39). Разбросанность угодий сол. м-ря в Беломорском крае в конце XV и в XVI в. (40). Общие замечания относительно приемов и способов приобретений угодий сол. м-рем в XVI—XVII в. (40—47). Процесс освоения сол. м-рем Беломорского края в XVI в. (47—49). Хозяйственная деятельность игумена Филиппа Колычева (49—52). Сол. м-рь в эпоху опричины (52—54).

Глава вторая. *Соловецкая вотчина во втором веке своего существования* (55—93 стр.). Соловецкий м-рь, как русская окраинная крепость (55—59). Разорение русского севера во второй половине XVI в. (58—60). Кризис хозяйства соловецкой вотчины (60). Продолжающееся укрупнение сол. вотчины во второй половине XVI в. (60—63). Расширение ее хозяйства (63—64). Соловецкая вотчина в эпоху великой Московской смуты (64—72). Территориальное расширение сол. вотчины после событий смутного времени. Освоение четверти Керещкой волости (72); Шуерецкая волости (73—74). Сол. м-рь в Каргопольском уезде (74—76). Яренский погост (76—77). Переход к сол. м-рю остальных трех четвертей Керещкой волости (77). Постройка новых каменных зданий в сол. м-ре (77—78). Значение сол. м-ря, как крепости, в XVII в. (78—79). Денежные взносы на „вспоможенье“ ратным людям (79—80). Соборное уложение и сол. вотчина (80—81). Приобретение угодий сол. м-рем под Москвою, в Морчугах (81—83), в Каширском, Тотемском, Устюжском и Вологодском уездах (83—89). Продвижение сол. м-ря к Мурману (89—91). Освоение Пертоминской пустыни (91). Пожалование сол. м-рю Авраамисвой Чухломской пустыни в Галичском уезде (91—92). Монастырские подворья в Москве, Архангельске, в Никольском погосте Андомской волости, в Ярославле и Коле (92—93).

Глава третья. *Соляная промышленность в соловецкой вотчине* (93—133 стр.). Зарождение соляной промышленности на русском севере (94). Как возникали монастырские варницы (94—100). Организация соловецких варниц (101—102). Монастырское усолъе (102—108). Население монастырского усолья (108—112). Некоторые приемы, практиковавшиеся усолскими прикащиками для обеспечения усолья рабочею силою: договор с рабочими (111—112); кабальная задолженность рабочих по усольям (112—114). Земледельческое хозяйство в монастырских усольях (114—115). Общие замечания о количестве усолй в сол. вотчине в XVI—XVII в. (115—116). Детальное обозрение монастырских усолй. Куйское усолъе (116—117); Неновоцкое (117—118); Лудское (118—119); Пильсогоубское (119); Чупское (119—122); Чернорецкое (122—123); Варница в Нилмогубе (123); Порьегубское усолъе (123—124); Гридина губа (124—125); Виремское усолъе (125); соляные промысла в Сумской волости (125); Колежемское усолъе (125—126); Нюхча и Унежма (126—127); Логнерецкое усолъе (127); Понгома (127—128). Соляные промысла сол. м-ря в Каргопольском уезде (128); Пурнемское усолъе (129); Лямецкое усолъе (129—130); Владыченское усолъе (130—132); Пильское усолъе (132); Польское (132—133); Фирсовское усолъе, Нижнеозерское усолъе, Кокшента (133).

Глава четвертая. *Соляная торговля соловецкой вотчины* (133—169). Торговля солью с Новгородскими областями; организация и размер ее (134—138). Соляная торговля через Вологду; Холмогоры, как отправной пункт (139—140). Погрузка соли на насады и дощаники (140—141); доставка ее в Вологду (141—143); транспортные рабочие (142—145); стоимость провоза, требуемое для этого количество времени и трудности прохождения соляных караванов (145—147). Монастырская соль в Вологде (147); продажа соли: количество, цена, покупатели; кредит (147—152). Соляная торговля в период финансового кризиса 1658—1663 г. (152—154). Закупка сол. м-рем „хлебных и всяких других запасов про монастырский обиход“; перечень закупаемых продуктов, цена, продавцы и т. д. (154—159). Доставка закупленных товаров в Холмогоры (159—160). Монастырская торговля и таможенные пошлины (160—164). Указ 18 марта 1646 г. о соляной пошлине (164—165); пятинный сбор с проданной соли (165). Недоразумения между соловецкими старцами и правительственными агентами на почве закупки хлеба (165—167). Вологодское соловецкое подворье (167—168); монастырский двор в В. Устюге (168—169).

Глава пятая. Земледельческое хозяйство в соловецкой вотчине, рыболовство и другие промыслы (169—206 стр.). Общее замечание о состоянии земледельческого хозяйства в сол. вотчине (169—171). Окладные единицы: обжа, выть, соха и сошка (171—173). Наиболее характерные моменты в истории земледельческого хозяйства в сол. вотчине. Монастырские земли на оброке. Сумская волость и ее деревни (73—183). Колежма, Шизня, Сухой наволоок, Вирма, Сорока, Выгоостров (183—186); Шуерещкая волость (187), Кемская волость с „присудом“ (187—188); Керецкая (188—189). Ньюходская волость (189—190); Онежская волость (190), Кушрещкая (191). Районы с монастырской запашкой. „Онежские“ деревни (191—192); волостка Пертнема (192). Запустение земледельческого хозяйства в Каргопольском уезде в связи с событиями смутного времени и в последующие годы (192—196). Монастырское хозяйство в Пузыреве (196—197); Красноборский погост и другие деревни Устюжского уезда (197). Рыболовство в хозяйстве сол. вотчины. Виды рыбного промысла (198—199); рыбные промыслы в Кемии (199), в Керецкой волости (199), в Умбисе (199—200), Варзуге (200—202), Вирме, Шизне, Сухом наволоке, Выгоострове (202—204). Мурманские промысла (204—205). Слюдный промысел (205—206). Попытки розыска серебрянной и золотой руды (206). Пустынский железный промысел (206); добывание жемчуга (206).

Глава шестая. Внутренняя организация сол. вотчины. Монастырь-государь и его слуги (206—249 стр.). Общежительный устав м-ря и его судьба (206—207). Игумен (207—208); сол. м-рь—архимандрит (208—209); келарь (209); казначей (209—210); „сборные“ старцы (210—212). Упадок дисциплины в сол. м-ре в 30—40 г. XVII ст., как результат аристократической диктатуры соборных старцев (212—213). Рядовая братия (213). Хозяйственный аппарат соловецкого м-ря на острове. Продовольственные запасы (213—214). Монастырские мастерские (214); кладовые, амбары и „службы“; казенная палата; библиотека, крепостная казна, больница, иконописная мастерская, „гостиница“ палата, мельницы, печка и др. хозяйственные постройки (214—216); монастырский „город“ (216—217). Денежные капиталы сол. м-ря. Источники „накопления“. Вклады (217—219); другие статьи дохода (219). Монастырский расход (219—220). Работные люди в сол. м-ре на острове (221). Серельцы (221—223). Крестьяне в сол. вотчине (223—231). Монастырская волость (231—233). Половники (233—236). Бобыли (237—243). Казачки (243—244). Детеныши (245—246). Относительная численность тяглого населения в сол. вотчине в конце изучаемого нами периода (246—247). Монастырские агенты в волостях: прикащики и доводчики (247—248). Сербские (248—249).

Глава седьмая. „Соловецкое сидение“ (249—280 стр.). Как изучался вопрос о так называемом „старообрядчестве“ раньше. Суждения о сущности старообрядчества представителей церковно-исторической науки: архиеп. Филарета, митр. Макария, проф. П. С. Смирнова, Н. И. Иванова, Н. Ф. Каптерева (249—251). Изучение старообрядчества в 60—70-е годы прошлого столетия и позднее. А. П. Шапов (251), В. О. Ключевский, Н. М. Милоков, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Костомаров, Г. В. Плеханов и Н. М. Рязанский (251—254). Методологические замечания акад. С. Ф. Платонова (254). Вопрос о причинах соловецкого возмущения в исторической литературе. Суждения по этому поводу историков церкви (254—255); взгляды А. П. Шапова и Н. И. Костомарова (255); диссертация И. Я. Сырцова (255). Освещение причин соловецкого восстания в марксистской литературе (256). В каком смысле можно говорить о „невежестве“ и „суеверии“ соловецких „идельцев“ (256—257). Сол. восстание, как протест против системы дворянского правления, послгнувшего на права монастырской вотчины (257—260). Оппозиция церковному централизму (260—262). Социальный состав сол. м-ря в период фронды (262—264). Архим. сол. Варфоломей и Саввинский архим. Никанор (263—264). Обстоятельства, предшествовавшие осаде (264—265). Мероприятия правительства против упорной вотчины. Обращение к старцам с призывом к покорности и „отписка на государя“ (указ 27 дек. 1667 г.) монастырских угодий (265—266). Начало открытого возмущения (266). Правительственная политика по отношению к официальному сол. м-рю „на берегу“ (266—268). Осажденный м-рь (268—269). Важнейшие моменты осады м-ря; столкновение воевод с монастырскими властями, обоюдные жалобы в Москву; сочувствие берегового населения осажденному м-рю (269—272). Решительные шаги правительства, направленные к прекращению возмущения. Назначение И. А. Мещерякова (272). Отрицательное отношение осажденного м-ря к правительству принимает более определенные формы (273—275). Взятие и разгром м-ря (276—277). Поведение Мещерякова (277—279). В. А. Волконский и дьяк Алмаз Чистого (279). Архим. Макарий и новый состав монастырской братии (280). Значение „сидения“ 1668—1676 г. в истории сол. вотчины (280).

Необходимые дополнения и замеченные опечатки.

На стр. 17—20 пропущены данные о следующих переписях и дозорах, бывших на территории соловецкой вотчины. В 1496 г. описывал Спасский погост на Выгоозере Юрий Константинович Сабуров,... а в 1551 г. Иван Васильевич Беклемышев. В 1562 г. Каргопольский уезд описывал Иван Григорьевич Яхонтов... В 1594 г. Сумскую волость дозировал старец Протасий... В 1611 г. Сумскую волость дозирали старцы Илья и Спиридон. В 1623 г. Сороцкую, Выжскую и Шизненскую волость дозирали старец Вениамин и слуга Иван Сороцкий. В 1629 г. Сумскую и Колежемскую волости дозировал старец Сергей; в 1631 г. Сумскую волость дозировал старец Савва. В 1640 г. эту же волость дозирали старец Ефрем Кваشین, да Илья Псковитин... В 1647 г. Кольский острог переписывал стрелецкий голова Леонтий Азарьев... В 1679 г. Керещкую волость переписывал Кольский воевода Лев Борисович Секерин. В 1678 г. переписывал Пермгорскую волость стольник Афанасий Фанвизин да подъячий Федор Замятин.

На стр. 15, при перечне научных трудов исследователей, занимавшихся изучением писцовых книг, не названа работа П. Иванова „Северные писцовые книги“. М. 1900 г. и статья проф. Б. Д. Грекова „Вотчинные писцовые книги“ (в Сборнике, посвящен. акад. С. Ф. Платонову, 1921 г.).

Замеченные опечатки.

Напечатано:			Следует:
стр.	Строка		
32.	12 сверху	доров	родов
33.	31 сверху	появляется	появляются
81.	5 снизу	или	ими
98.	примеч. 1.	Некокшанин	Ненокшанин
117.	10 сн.	у Моисейки	у Моисейки
126.	(примеч.)	в Колежме или и в Вирме	в Колежме, как и в Вирме
144.	37 св.	не курские волости	ис курские волости.
159.	4 сн.	Сыдавного	Сыдавного
225.	19 стр. сверху	да	"
227.	6 св.	воровстем людем	воровским людем
229.	прим. I.	в 1623 г....	в 1633 г....
		...вотчинки Усть-Пурнемской, Нижмоозерской 141 (1638)	вотчинок Усть-Пурнемской и Нижмоозер- ской 141 (1633)
234.	15 св.	в наших	в каких
237.	11 св.	типичного и господ- ствующего	типичною и господствующею
247.	40 св.	жильям	усолям.

Вместо предисловия.

Популярный некогда писатель первой четверти XVIII ст. А. Денисов в своей „Истории о отцех и страдальцех соловецких“, списывая „богоспасительные кинонии многотомительное разорение“ и „безмилостердноз погубление, выражается, между прочим, так: „о местоположении каковства кинонии и коликовства отстояния вселенныя, тако о веществе здания и сгромаждения, тако о виде благолепства и украшения и твердости монастыря оставляю писати, яже не токмо россияном самовидением присно уверяемы, но и вселенныя историографом и гиографом на западе и востоде пребывающим сия весьма известна и во описании суть“...¹⁾. Слова старообрядческого мартиролога, писавшего с определенной назидательною целью, но не всегда заботившегося об исторической объективности своего рассказа, нуждаются в некоторых комментариях и оговорках. Что о соловецком монастыре в XVI и XVII в. могли знать на западе и востоке, мы несколько в том не сомневаемся. В монастырь, окруженный высокою стеною, на острове, изолированном от остального мира бушующим студенным „морем-окияном“, московские гражданские и церковные власти высылали „под начал“ из разных приказов, начиная с 50-х годов XVI ст., за „воровство“, „измену“, „дурость“, „продерзостное житие“, „богохульные“ и вообще „непристой.ые речи“ провинившихся русских людей²⁾. Но, при случае, они „смирjali“ з.т. и замеченных в „благовидном поведении восточных духовных лиц, пр. .кавших в Москву милостыней“ и весьма часто беззастенчиво злоупотреблявших доверием москвичей³⁾. Знали о крупной соловецкой вотчине и на западе. Уже в начале XVI ст. в соловецкий монастырь был отправлен „под начал“ из квы чернец „гишпанские“ земли Николай вместе со своим слугою⁴⁾.

¹⁾ Андрей Денисов „История о отцех и страдальцех соловецких“.. Москва, 1907 г., 5 Известный библиограф Павел Любопытный автором этого труда считает брата рея Семена Денисова (см. „Раскольниковская библиография“ Павла Любопытного М. 1911 г., стр. 131) и озаглавливает его так: „Соловецкой кинонии славная история“.. Мнение П. Любопытного разделяет и Н. Барсов („Братя Андрей и Семен Денисовы“. Москва, 1866 г.)

²⁾ Рукописные соловецкие сборники в библиотеке бывшей Казанской дух. академии № 18, л. 410 об. № 19, стр. 11, 24, 48 и нек. др.; в работе М. А. Колчина „Ссылные и заточенные в остроге соловецкого монастыря в XVI—XIX в.“ более подробно рассказаны случаи ссылки в соловецкий монастырь в XVIII и XIX в., относительно XVI и XVII в. заметны пропуски („Русская Старина“, 1887 г., октябрь, ноябрь и декабрь. 1888 г., январь и февраль).

³⁾ Напр., в 1666 г. в соловецкий монастырь был сослан „под начал доброму и усному старцу“ греческий митр. Макарий (Цит. рукоп. сборн. № 19, стр. 221). Это был не единственный случай. (Подробнее см. у проф. Н. Ф. Калтерева „Характер отношений России к православному востоку в XVI—XVII ст. Серг. Посад, 1914 г., изд. 2-е, стр. 186—188, 208 и др.).

⁴⁾ Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 154 об. Ссылка эта последовала не позднее 1601 г. Сведений об этом загадочном „гишпанском“ чернце из других источников нам почерпнуть не удалось. Но мы знаем, что при папе Клименте VIII (1592—1605 г.) и при Фелипе Ивановиче и Борисе Годунове Ватикан оживленно сносился с Москвой. В частности, в 1600 г. с посольством канцлера Льва Сапег в Москву прибыло два иезуита с миссионерскими целями. Правда, в Москве их приняли весьма холодно, как, впрочем, и самое посольство Сапег, но случай прибытия в Москву папских послов можно наблюдать при том же Годунове (в августе 1601 г.). (В. Тимошук. „Россия и папский престол“. „Русская Старина“, 1903 г., май месяц).

Наезжавшие в Московское государство в XVI и XVII в. инославяне изучавшие и наблюдавшие его быт, в своих записках, в которых отражали свои впечатления о загадочной обширной стране, уделяли большое внимание и „Соловкам“, где изготовлялось так много ссани и про рыбная ловля¹⁾. Иностранцы купцы соприкасались по своим коммерческим делам с предприимчивыми соловецкими старцами в Вологодских погостах и, по всей видимости, на самом острове²⁾. „Аглинские“, „Голландские“, „голанские“, и другие „немецкие“ гости могли приобрести в Вологде у соловецкого старца-прикащика недорого поддерживанный ушанник для перевозки своего товара в Холмогоры, а то и против соответствующую мзду, им удавалось доставить эти товары на места монастырских „насадах“, или „дошаниках“³⁾.

Как „порубежное“ и „украинное“ место, соловецкий монастырь имел значение пограничной крепости, неоднократно отражая набеги наские волости „каянских немцев“⁴⁾.

Оживленными были сношения между шведскими пограничными местниками и властями соловецкого монастыря в период Московско-шведской смуты. Сначала, при царе В. И. Шуйском, они были мирными, затем, когда монастырь начал противиться кандидатуре шведского короля на московский престол, отношения шведских властей к монастырю стали враждебными...⁵⁾.

¹⁾ Флетчер „О государстве русском“, стр. 18 (перевод и изд. 1906 г.); Герберштейн „Записки о московских делах“ (введение, перевод и примечания А. И. Малеина), СПб. 1908, стр. 122—124; А. Олеарий „Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно“. Перевод А. М. Ловягина. СПб., 1906 г., стр. 156 и 321 и др.

²⁾ Из вполне достоверных источников известно, что в 1569 г. на соловецком острове приезжали итальянцы, а в следующем году там побывали и нидерландские купцы. В частности, соловецкий остров, Куз-остров и Сумский посад посетили нидерландские монахи фон-Салинген и Мартин Клаусен из Энкгейзена. Салинген, видимо, очень интересовался соловецким монастырем и его историей; его друзья из русского населения Кольского и Лапландии рассказывали ему, между прочим, о житии Зосимы и Савватия соловцев. Не думаем, чтобы бухгалтер антверпенской торговой компании соловецкий монастырь интересовал с религиозной, или научно-отвлеченной стороны. (В. А. Кордт „Очерк истории московского государства с республикою соединенных Нидерландов по 1618 г.“, Сборник Русского Историч. Общ., т. 116, стр. XXVII; А. Тищенко, „К истории Печенги в XVI в.“ Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г., июль, стр. 103). Согласно приговору предоставленным Грозным английским компаниям, последние имели исключительное право торговли в Холмогорах, по реке Печере, Оби, Коле, Мезени, Печенге и на соловецком острове (Гамель „Англичане в России в XVI—XVII ст.“, стр. 79; Н. И. Стомаров „Очерк торговли московского государства в XVI и XVII ст.“, изд. 2-е, 1889 г., стр. 21). Правда, мы знаем и то, что специальная царская грамота на имя соловецкого игумена Ирнарха от 1 апр. 1619 г. запрещает принимать на остров датские корабли, но это—во избежание того, чтобы датчане „назвавшеся торговыми людьми, на оном пришед к соловецкому монастырю и к Сумскому острогу, каково дурна не учинят и русской земли не поседают“. Основания для такого опасения у московского правительства имелись. В случае прибытия этих датских кораблей к соловецкому острову „срочно“ высланный к ним „добрый“ старец (сопровождаемый сотником или пятидесятком) должен был объявить прибывшим датчанам, что „соловецкий монастырь и Сумский острог (государев) богомолье, а не торговое место и преже того приход кораблей на нем бывал“ (цит. рукоп. сборн. № 18, л. 270—271 об.; ср. Досифей „Географическое, историческое и статистическое описание соловецкого монастыря“, ч. III, стр. 107—110; Струтин „Сношения России с Данией в царствование Христиана IV“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г. апрель).

³⁾ Об этом мы можем находить сведения в приходо-расходных книгах вологодских служб за разные годы. Подробнее скажем о торговых сношениях соловецких старцев и прикащиков с иноземцами в Вологде несколько ниже.

⁴⁾ Такие случаи приведены будут в своем месте. Теперь же укажем только в частности иллюстрации на грамоту Б. Годунова соловецкому келарю и казначею, согласно которой монастырские власти должны были „чинить распрос и пытку немецким людям вышедшим из-за рубежа“ (цит. рукоп. сборник № 18, л. 157 об.).

⁵⁾ „Акты археограф. экспед.“ т. II, № 108, 109, 129, 173, 180, 184, 186, 193, 195, 196.

О популярности соловецкого монастыря среди всех классов русского общества XV—XVII в. говорить много не приходится. Сюда стремился со своим „вкладом“ и бывший колыский воевода Аверкий Иванович Палицын, и богатый посадский москвич (напр., Савва (Сергий) Обрютий), и донской казак, не говоря уже о поморском крестьянине. По „обещанию“ шли на „богомолье“ в соловецкий монастырь и крестьяне Осинской слободы с Урала¹⁾ и стрельцы с Мангазеи²⁾; бил челом царю Вас. Ив. Шуйскому отпустить его из Смоленского Аврамьева монастыря в Соловки и загадочный старец Варлаам, с именем которого связано появление знаменитого „Извета“³⁾. Если бы мы задались целью изучить социальный состав соловецких монастырских „трудников“, то мы не смогли бы не изумляться интернациональности этого состава: например, в 60-е годы XVII ст. в соловецком монастыре „труждались“ на ряду с нижегородским посадским человеком и попавшие некогда в плен поляк и литвин; источники вскользь называют среди трудников турка и татарина. Мы несколько не считаем преувеличением заявления одной из монастырских челобитных (конца XVII в.) в Москву, что „издрече... соловецкий монастырь в прославлении имени божия во всех российских странах знаем“... Прав, поэтому и А. Денисов, когда свидетельствует о большой популярности соловецкого монастыря, как на Руси, так и за пределами ее. Но он допускает значительную неточность, утверждая, что внешний быт соловецкой вотчины и ее внутренняя организация „во описании суть“. Если А. Денисов имеет в виду отрывочные сведения о соловецком монастыре, разбросанные в житийной литературе, то все же мы должны признать, что специального и обстоятельного описания соловецкого монастыря-вотчины не было не только в первой четверти XVIII в., но и значительно позднее⁴⁾ Первым опытом такого систематического описания следует считать работу архим. Макария „Описание ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря, почерпнутое из достоверных источников, соображенное с топографическим, историческим и хронологическим оного монастыря описанием“. Москва, 1823 г. Но это популярное описание немного освещает историческое прошлое крупной соловецкой вотчины, а после работы архим. Досифея: „Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря. М. 1836 г., ч. I—III—оказывается совершенно излишним. Архим. Досифей находился в условиях, исключительно благоприятных для своей литературной работы. Он широко использовал специальный летописный материал, имел под руками богатейший и упорядоченный архивный фонд и мог непосредственно и беспрепятственно знакомиться с памятником соловецкой старины. Но и „описание“ архим.

¹⁾ „Русск. Историч. Библ.“ т. II, № 93, стр. 273—4.

²⁾ „Русск. Историч. Библ.“ т. II, № 72, стр. 158—59.

³⁾ В так наз. академическом списке челобитной старца Варлаама царю В. И. Шуйскому имеется любопытный вариант, по всей видимости уцелевший от литературной обработки подлинной челобитной в „Извет“. Этот вариант, после упоминания о том, что челобитник Варлаам, вернувшись из Польши, поселился в Смоленске в Аврамьевом монастыре, заканчивается такими словами: „милосердый царь государь и великий князь Василий Иванович всеа Руси! пожалуй меня богомолца своего вели отпустить на Соловки к Зосиму и Саватию соловецким чудотворцам“. („Акты археогр. эксп.“ т. II, № 64, стр. 144, примеч.).

⁴⁾ В хранящемся в Государственной Публичной Библиотеке (в Ленинграде) рукописном сборнике, писанном скорописью XVII в., об. л. 222, помещено „сказание о святей велицей обители Соловецкой, како стоит и о чину монастырском, како есть“. Но это редкое „сказание“ содержит описание, гл. образом, монастырских церквей, и вряд ли А. Денисов имел его в виду. „Описание славянских и русских сборников имп. публич. библиотеки“. СПб, 1878, стр. 91.

Досифея не может считаться совершенным и не только потому, что „на земле между людьми нет ничего совершенного в своем роде“. („Предупреждение к читателям“, стр. 4). Досифей в простом хронологическом порядке (по игуменам и архимандритам) изложил, главным образом, внешнюю историю соловецкой вотчины. Организация монастырского хозяйства и особенно соляной промышленности, состав, экономическое и юридическое положение населения соловецкой вотчины, взаимоотношение последней с московским правительством—интересовали названного автора весьма слабо. Поверхностно описан и внутренний быт монастыря, конструкция управления сложным монастырским хозяйством и т. д. На данную работу архим. Досифея, написанную по сырому архивному материалу, мы, согласно с самим автором, смотрим, как на первую попытку „оживотворить мертвые происшествия“. Крупной заслугой архим. Досифея будет то, что для современного исследователя прошлого соловецкой вотчины оно дает множество сырого материала, буквальных выписок из разного рода грамот, подлинники которых в настоящее время, повидимому, затеряны¹⁾.

Только в начале 80-х годов прошлого столетия у архим. Досифея нашелся подражатель. Имеем в виду небольшую работу архим. Мелетия: „Историческое описание ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря“ Москва, 1881 г. Но этот небольшой популярный очерк рассчитан на непритязательного благочестивого читателя, и в научном отношении никакой ценности не представляет.

С половины XIX ст. богатое историческое прошлое соловецкой вотчины стало привлекать внимание и ученых специалистов-историков. В 1855 г. в Казанскую дух. академию, по распоряжению синода, была переведена из Сийского Антониева монастыря (куда она была эвакуирована с соловецкого острова) библиотека соловецкого монастыря²⁾. В 60-х годах у этого обильного источника русской исторической науки черпал материал для своей магистерской диссертации о древне-русских житиях святых, как историческом источнике, В. О. Ключевский. Последний не мог не заинтересоваться историей крупной промысловой вотчины, и в результате этого появилось небольшое исследование его на тему: „Хозяйственная деятельность соловецкого монастыря в Беломорском крае“, напечатанное в „Московских Университ. Известиях“ за 1867—68 г. Полнотой и законченностью названная работа В. О. Ключевского не отличается, но талантливый историк со свойственным ему чутьем и вдумчивостью наметил основные вехи для будущего исследователя прошлого соловецкой вотчины.

Большой интерес вызывало к себе такое крупное событие в истории Московской Руси второй половины XVII ст., как известное соловецкое восстание 1667—1676 г.г. Но из ряда работ, посвященных этому событию, следует отметить магистерскую диссертацию И. Я. Сырцова: „Возмущение соловецких монахов-старообрядцев“, вышедшую вторым изданием в Костроме в 1889 г. Хотя автор названной диссертации еще не отрешился полностью от традиционных и ошибочных представлений о сущности знаменитого соловецкого „возмущения“, но, соприкасаясь непосредственно с архивным источником для изучения этого интересного явления, он ближе, чем кто-либо до него, подошел к правильному пониманию социально-политического характера его.

¹⁾ „Описание рукописей соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской дух. академии“, ч. I, Казань, 1881 г., стр. IV.

²⁾ „Описание рукописей соловецкого монастыря“, ч. I цит. соч., стр. 1.

В последующее время и вплоть до наших дней более или менее крупных и специальных работ по истории соловецкого монастыря мы не видим, хотя история соловецкой вотчины представляет значительный интерес во многих отношениях. Изучая ее, мы можем проследить до малейших деталей, как „прежде бывший оток пуст и никим же ведом“, где не было насельника-человека „отнелиже и солнце в небеси“, чрезвычайно быстро превратился в „великий остров“, в крупную вотчину, не только сконцентрировавшую в своем владении беломорский край, но имевшую свои колонии и в центральных районах московского государства. В своих челобитных в Москву о разных льготах монастырские власти в XVII в. неоднократно заявляют, что одной братии в соловецком монастыре 350 человек; кроме того, у них, в монастыре, „по вся годы бывает слуг и работных людей с шестьсот человек, оприч того, что в соляных промыслах работные люди пьют и ядят и носят монастырское; да они же держат в соловецком монастыре, в Сумском остроге, для оберегання сто человек стрельцов и жалованья из монастырские казны дают им по триста рублев на год, да хлеба по шти сот четвертей на зиму, а летом те стрельцы живут в монастыре, пьют и ядят монастырское“. Таким образом, соловецкий монастырь—не обычный тип древне-русской вотчины. Он—вотчина промысловая. В названных же челобитных в Москву соловецкие старцы подчеркивают и ту мысль, что „соловецкий монастырь—место не вотчинное“, и хлебной пашни у него нет; „питаются монастырские старцы соляными промыслами“, отвозя в Вологду по 100 и 130 т. пудов соли. Сколь велики были размеры соляного производства в соловецких варницах, можно судить уже потому, что одного хлеба монастырь расходовал ежегодно на острове и по варницам свыше 10 тысяч четвертей. Организовав соляное производство в крупном масштабе, широко применяя вольнонаемный труд в своих усольях, соловецкий монастырь был едва ли не самым крупным поставщиком соли на русский рынок. Следовательно, изучение организации соляной промышленности в соловецком монастыре и монастырской соляной торговли составит интересную страницу в истории экономической жизни древней Руси. Своеобразный уклад хозяйственной жизни соловецкой вотчины строил несколько по иному, чем в центре, и социальные отношения в ней. Как место украинное и порубежное, соловецкий монастырь должен был для защиты своих волостей строить крепости и содержать в них стрелецкие отряды. Правительство возлагало на соловецкий монастырь и надзор за ближним к нему порубежным районом. Монастырские волости должны были наблюдать за тем, чтобы находившиеся в соседстве корельские племена „жили за государем неизменно“¹⁾. Это обстоятельство придавало силу и удельный вес соловецкой вотчины. Развивая борьбу с вотчинными традициями, Московское правительство совершенно иначе должно было вести себя по отношению к соловецкому монастырю-государю. За соловецким монастырем Московское правительство вынуждалось сохранять прежние привилегии, подчеркивая, что „соловецкий монастырь другим не в образец“, что к нему „особое наше признание“, потому что он—монастырь „безвотчинный и заморский“ и т. д. Всякие посягательства на это привилегированное положение со стороны воеводской администрации рассматривалось монастырем, как „затейные статьи“ и вызывали жалобы в Москву. Материальная обеспеченность монастыря давала ему возможность время от времени посылать в Москву щедрые денежные пожертвования, за которыми Московское правительство, начиная с смутного времени и

¹⁾ Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 159.

до шестидесятых годов XVII ст. весьма часто обращалось в Соловки. Изолированный в течении продолжительного времени года от остального мира, когда море, „разверепясь дивняго зверя образом, разпыхашеся, и волны яко горы сотворив, сурово наскакаше, и всем потоплением претяше“, делает сообщение с островом невозможным, соловецкий монастырь долго сохранял неприкосновенным старый вотчинный уклад жизни. Поэтому, когда Москва отважилась вмешаться и во внутреннюю жизнь соловецкой сеньерии,—последняя ответила на это решительным протестом. Упорная почти девятилетняя борьба окончилась победою московского правительства, поспешившего в самом начале захватить в свои руки монастырские усадья и вологодскую торговлю и, т. обр., лишить мятежный остров его жизненной артерии. Со времени ликвидации „возмущения“ начинается закат прежнего благополучия соловецкой вотчины. С оскудением лесов падают некогда цветущие соловецкие усадья, а продвижение монастырских владений к центру наталкивалось на ограничение монастырского и церковного землевладения законодательными актами того времени. Соловецкая вотчина все более и более теряла свое прежнее привилегированное положение, превращаясь в место ссылки особенно тяжких преступников и становясь обычным монастырем. Секуляризация церковных и монастырских имуществ в 1764 г. окончательно подорвала экономическую базу соловецкого монастыря. Только как бы в некоторое утешение монастырю о потерянном могуществе он был объявлен ставропигиальным, освобождаясь тем самым от подчинения архангельскому епархиальному управлению и подчиняясь непосредственно синоду.

Наши очерки истории соловецкой вотчины предваряем обозрением источников, давших нам возможность придти к соответствующим выводам. Для удобства обозрения, мы разделяем их на две основные группы: рукописные и печатные, а те и другие дифференцируем на более мелкие категории.

А. Источники рукописные.

1. Житийная литература. Источники этого рода нами были изучены в библиотеке бывшей Каз. дух. академии в отделе рукописей соловецкого монастыря. Сюда относятся:

1) *Житие Зосимы и Савватия*. Инвент. № 175 (по печатн. опис. 556), №№ 176, 177, 178, 179, 180, 181; наибольшую ценность в смысле исправности текста представляет № 175.

2) *Житие аввы Германа*. Инв. № 182 (551), 184 (550), 183 (547), 962 (549).

3) *Житие митр. Филиппа*. Инв. № 192 (605), № 194 (522), 964 (590), 968 (591).

4) *Житие Варлаама Герецкого*. Инв. № 182 (551), л. 155.

5) *Житие Иоанна и Логина Яренских*. Инв. № 183 (547), л. 74 об.; 189 (546).

6) *Житие Антония Сийского*. Инв. № 230 (539).

7) *Житие Трифона Печенского*, № 182 (551), 188 (589).

8) *Житие Вассиана и Ионы Пертолинских*, № 189 (546), 947 (545).

9) *Житие Сильвестра Обнорского*. Инв. № 182 (551), л. 164.

10) *Житие Никодима Кожесезерского*, № 182 (551).

В русской исторической науке, среди отдельных представителей ее, по вопросу о житийной литературе, как историческом источнике, нет единодушного решения. Некоторые ученые признавали за древне-русскими житиями большое значение. Строев видел в них „богатый и почти непо-